

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Солнечный свет то ярко вспыхивал на листьях раскрытой тетради, то тут же угасал. Страницы, разлинованные тонкими синими полосками, и неровные, торопливые строчки на них, тоже, то блекли и становились еле различимыми, то вновь оживали, четко обнажая каллиграфию почерка.

Оторвав голову от тетради, Антон глянул в окно. Ещё с утра сплошь голубое небо заволакивало тучами. Золотистый солнечный круг всё реже выныривал меж облаков, на мгновение вспыхивая фонариком, и вскоре совсем погрузился в тугую тёмную облачную массу.

Волнение веток рябины за окном усиливалось. Послышался легкий шорох по карнизу крыши, по стёклам окон, стремительно перешедший в звонкую дробь ливневых струй. Прогноз синоптиков оправдывался. Хотя неожиданности здесь не было. Первая половина мая, особенно в високосный год, чаще промозглая.

Антон закрыл тетрадь, отодвинув её в сторону. Писать расхотелось. Да и в голову не приходили умные мысли. Неожиданно поймал себя на том, что слушая приглушённую дробь ливневых струй, мысленно шагает по промокшему деревянному тротуару вчерашнего поселка.

Латанный-перелатанный, прогнивший от времени тротуар незаметно снесли лет тридцать назад вместе с горбачёвской перестройкой из-за непригодности, а нового так и не построили. А как было удобно в распутицу по деревянному настилу...

«Тук-тук-тук», «чок-чок-чок», выговаривали тротуарные половицы в такт спешащим проходим. В сумерки по гулким звукам шагов можно было различить пол и даже возраст идущего. Частая, звонкая дробь – девушкины каблучки, барабанная – мальчишки, размеренные чёткие шлепки – мужчина, прерывистая, тяжёлая поступь – пожилой пенсионер, или подвыпивший...

Шум дождя за окном вдруг резко оборвался. Замерла и тень рябины, едва заметная на тёмном фоне сгустившихся сумерек. И вдруг ослепительная вспышка озарила небо и оно как будто разломилось, как разбитая тарелка на мелкие осколки – разряд молнии, казалось, пронзил своими острыми огненными стрелами весь небосвод. Пушечным выстрелом прогрехотал гром. Рябина за окном вздрогнула, накренилась и по стёклам с новой силой захлестали струи небесного водопада.

Антон задёрнул шторы, включил свет. По телевизору передавали о весеннем наводнении в Краснодарском крае.



ЗАНИМАТЕЛЬНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ



так себе, эпизодик из жизни обычного или необычного героя или не героя, а так себе персонажа...

А, может, и не было никакой истории ни в каком хуторе, деревне, посёлке городского или иного типа, или даже в небольшом провинциальном городке. Да и откуда ей, истории этой, взяться, если её никто не придумал, а может, придумал, да никому не рассказал, а если и рассказал, то непонятно, кому. И у кого теперь спрашивать? А история эта была, поди, ужасно интересной, или даже если не особенно, а так, пустяшной, но всё же имела смысл... А, может, взять, да и сочинить заново? Ну, скажем, про случай, который произошёл в другом небольшом провинциальном городке или даже не в городке, а, скорее, в посёлке городского типа.... Ну, дальше вы и сами знаете... Занимательнейшая история.

Эта история случилась в небольшом провинциальном городке или даже не в городке, а, скорее, в посёлке городского типа. Или даже не городского, а обычного сельского. Или, если быть точнее, в обычной деревне или деревушке, а, может, даже хуторе, где всего-то три домика, два из которых с забитыми ставнями. И, скорее всего, это не история, а

НАВАЖДЕНИЕ

Подходит однажды Егор Полустьянов к своему дому, открывает калитку и ба!.. А дома-то и нет. Ворота есть, забор есть, собака на цепи бегаёт (на Егора странно как-то погавкивает), а дома нет. «Как Фома его этим самым... А ведь ещё утром, да нет – в обед ещё стоял на месте тремя окнами на улицу, двумя в огород...»

«Что за чертовщина? – и огорода нет. Какие-то кучи кирпича. Где я теперь картошку с капустой сажать- то буду? Вчера только ботву картофельную в нём (огороде) жёг... Просто наваждение какое-то! И что мне, скажите, теперь делать: ни паспорта, ни прописки, ни вещей? Куда всё запропастилось? Столько добра нажитого! Телевизор только что новый цифровой широкоэкранный на полтора метра в диаметре. Мамочка родная! Да ведь там за телевизором моя заначка!

Орёт Егор благим матом, плачет. Кто-то сзади Полустьянова по плечу хлопает:

- Мужчина, что вы тут орёте, как будто вас режут? И что вы вообще здесь делаете посреди ночи? Заблудились, наверно? Сюда нельзя.

- А где это я тогда?

- На новостройке. Пить надо меньше.

-??? Точно наваждение.



ЭХ, НЕ УСПЕЛ ПОДЛАТАТЬ!

Федор Бессмертников с рождения боялся смерти. А когда умер, то даже и не понял, как это произошло. Никакого ощущения – ни физического, ни душевного. А как обмывали, обряжали, в гробу выносили, в сырую землю опускали, - напроць из памяти.

«Может, я и не умер?» - подумал было Бессмертников, и попытался похлопать себя по рукам, ногам, груди, но ничего не ощутил. «Значит, всё-таки помер! Тело там, на кладбище, а я...». Мертвецкого холодка в душе Фёдор тоже не ощутил. «А так даже и лучше, когда душа ни о чём не болит», - заключил Бессмертников, безразлично паря над родной Покатаевкой, в которой он когда-то родился, учился, женился...

С высоты деревня казалась значительно чище, опрятнее, единственная улица с двумя переулками ровнее, а белоснежные перины с утра выпавшего снега скрывали изъяны шиферных крыш, неуклюжесть дровяных поленниц...

«А вот и его собственный (хотя уже и не его) дом. И народу полон двор. Ах, да, это уже пришедшие с кладбища. Сейчас начнут поминать его – Федора, пить за упокой его души. А душа-то, вот она, парит над домом, но никто её, горемычную, и не замечает. Обидно, чёрт побери.

Бессмертников опустился на крышу (эх, не успел подлатать!), легко прошёл сквозь шифер и потолок и оказался в кухне. На плите, уставленной кастрюлями, сковородками, тушилась, парилась, жарилась поминальная еда. У плиты молча орудовала пышногрудая, широкобёдрая соседка. Фёдор заглянул в зал. Там уже стояли вдоль стен столы с холодными закусками и бутылками водки.

«Сейчас усядутся, тесня друг друга, (в тесноте да не обедали) и с остатками напускной скорби на лицах, теплеющих от предстоящей поминальной трапезы, дружно потянутся руками к стопкам и закускам, и «пропустив» по первой и второй, в ожидании горячего, будут, перебивая друг друга, сначала вспоминать добрым словом его - покойного и незаметно после третьей-четвёртой-пятой стопки перейдут к своим кровным проблемам. А кто-нибудь, хлебнув лишнего, и песню затянет», - грустно подумал Фёдор.

«Нет, не останусь я здесь. Что толку быть сторонним наблюдателем. Кто и что обо мне думает, я и так знаю, а слушать торжественные, неискренние речи – увольте».

Бессмертников, бросив прощальный взгляд на поминальный стол, на свои прежние хоромы, взмыл через (эх, не успел подлатать!) крышу, туда, где его дожидались такие же бессмертные души.



ФАНАТ СЛАВЫ



повторяла привычное движение даже во время еды – ложкой, вилкой по тарелкам.

Со временем автограф стал появляться не только на книжках, открытках... - на стендах объявлений, на столбах и на заборах, в общественных туалетах. Щедрость славообильной души Эдуарда Брильянтова не знала границ. И делиться этой, понятной только ему одному, Славой он готов был с кем угодно и когда угодно. И даже из-за этого как-то угодил в полицию. Но, как говорится, Слава тоже требует жертв.

К своему 50-летию Эдуард Брильянтов намерен воздвигнуть себе рукотворный памятник. Пока на малой родине, которую, он уверен, ещё при жизни назовут его именем - Голопи... , пардон, Брильянтовка.



Даже мало-мальски известным персонам, не говоря уже о великих, жить, по-моему, не комфортно. Они постоянно на виду, под прицелом тысяч глаз. Такое ощущение, что и нужду справить им в одиночестве вряд ли... Любопытно же всем, чем испражнения избранных, пардон, воняют. И ладно бы просто смотрели, приноховались, прислушивались... Прут же на избранных напролом, как на Бастилию, или, хуже того, как в очереди в горбачёвскую перестройку за водкой. И каждый норовит взять непременно автограф. Будто хотят убедиться в грамотности и прилежности чистописания избранного. Нормальному такое не выдержать, психу - тем более. Здесь надо быть фанатом славолюбия или просто чокнутым.

Именно таким... чокнутым фанатом и был Эдуард... Брильянтов (фамилию Голопискин поменял при получении паспорта).

Особых высот в свои 47 Эдуард Голопись..., пардон, Брильянтов не достиг. Так – муляж: пописывал стишки, издал пару-тройку книжек, вступил в одно из многочисленных литературных обществ и даже был награждён юбилейной медалью какого-то классика литературы. Однако показать себя умел. А это главное.

Очень любил Брильянтов, когда его хвалили, когда ему аплодировали. Закрывал глаза и чувствовал под собой постамент. Но особенно любил раздавать автографы. Всем, кто просил, и кому до лампочки. Носил на этот случай с собой в нагрудных карманах обойму авторучек. Рука так привыкла к загогулистому полёту фамильного росчерка, что порой машинально, автоматически